

«Превращения» как суть Овидиевых метаморфоз являются одной из форм жизни, целью и потенциальной возможностью развития мира. Своеобразным стимулом возникновения метаморфоз и/или их основой нередко служит амбивалентность. Амбивалентный потенциал мира провоцирует экспансию превращений/метаморфоз. «Превращения» предстают актуальными тенденциями архитектуры и дизайна, включая трансформации объектов и сред; появление своеобразных «архитектурных кентавров» и гибридных сред; имитации и мимикрирующие фасады/среды.

Ключевые слова: превращения; метаморфозы; амбивалентность; архитектура; город; трансформации; «кентавры»; гибридные среды; мимикрии. /

“Transformations” as the essence of Ovidian metamorphoses are one of the forms of life, the purpose and potentiality of the world’s development. Ambivalence often serves as a kind of stimulus for the emergence of metamorphoses or their basis. The ambivalent potential of the world provokes the expansion of transformations/metamorphoses. “Transformations” represent current trends in architecture and design, including transformations of objects and environments; the emergence of peculiar “architectural centaurs” and hybrid environments; imitations and mimicking facades/environments.

Keywords: transformations; metamorphosis; ambivalence; architecture; city; transformations; “centaurs”; hybrid environments; mimicros.

Метаморфозы: превращения как дискурс развития и форма жизни / Metamorphoses: Transformations as a discourse of development and a form of life

текст

Ольга Железняк
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет

text

Olga Zheleznyak
Irkutsk National Research
Technical University

«Превращение» как суть Овидиевых метаморфоз служит одной из важных форм жизни, целью и потенциальной возможностью развития мира. Будучи природным феноменом, «превращение» является неотъемлемой частью естественной жизни природы. В культуре/мифах/истории идеалы «превращения», метаморфоз становятся актуальной формой существования, отражают историю мира.

Представляя собой разнообразные формы и процессы, преобразования, «метаморфозы» приобретают важное значение во всех трансформациях мира от «превращения изначального хаоса в упорядоченную Вселенную» до создания образа идеального единого мира (по Овидию), «разрешают напряжение» между естественным природным миром и искусственным, сплавляют/скрещивают противоположности, используя иллюзии и маскировки, амбивалентную природу мира, гибридизацию и коренные фундаментальные преобразования, соединяют «свершающееся» с прошлым и будущим.

Воплощением таких бесконечных превращений, идеальным образцом, пространством метаморфоз и экспериментов представляется город, т. к. одновременное пребывание городского пространства и городской жизни в прошлом, настоящем и будущем под воздействием различных экономических, культурных, социальных и пр. факторов порождает необходимость непрерывных преобразований, трансформаций и взаимного приспособления, формирования гибридных форм и отношений.

При этом своеобразным стимулом возникновения метаморфоз, причиной и/или основой этих превращений и трансформаций нередко служит присущая миру амбивалентность. Амбивалентный потенциал мира провоцирует экспансию превращений/метаморфоз, предстает основой целостности, в т. ч., противоположных начал, позволяющей менять облик и перевоплощаться.

1. Современный мир как мир превращений. Амбивалентная природа метаморфоз

1.1. Амбивалентность как актуальный потенциал и один из факторов возникновения «превращений»/метаморфоз

«Амбивалентность», трактуемая как раздвоенность, двойкий/с обеих сторон, вблизи, разноречивость (от греч.

Amphi) и сила (от лат. Valentia) [5], как несовместимое двойственное отношение, одновременное проявление негативных и позитивных состояний, является, по мнению З. Фрейда, свойством, изначально присущим естественному миру, объясняется противоположностью «глубинных побуждений» и во многом определяет допустимость целостности. Это позволяет предложить концепцию амбивалентности, представляющую своеобразный симбиоз, сосуществование взаимоисключающих противоречий, противоречивых высказываний или суждений, в которых нередко оказываются нарушенными правила формальной логики. Усиление амбивалентности становится процессом интеграционных изменений, нередко стимулирующим развитие как в естественной природе, так и в искусственно созданных средах.

Свойственная естественной природе способность к превращениям/метаморфозам зачастую характеризуется дуальностью и противоречивостью, которые задаются амбивалентной природой объектов и организмов, амбивалентными свойствами многих физических процессов и явлений. Присущий природному миру метаморфоз традиционно означает изменение строения организма, свойственное беспозвоночным и некоторым группам позвоночных, и наследственно закрепленные преобразования органов, обусловленные сменой условий, функций и форм существования, наиболее характерные для травянистых растений-многолетников. Превращения и преобразования, связанные со своеобразной гендерной амбивалентностью, одновременным или последовательным наличием разнополюсных признаков относят к гермафродитизму, который встречается у моллюсков, рыб и пр., считается нормой для низших животных, аномалией у человека и высших позвоночных и широко распространена в растительном мире.

Заложенная природой двойственность, своеобразная амбивалентность как потенциальная способность к изменениям и превращениям отражается еще в одном свойстве – склонности некоторых организмов к мимикрии, которая демонстрирует потенциал этих организмов к подражанию, камуфляжу, обозначает особые случаи сходства между организмами различных видов. При этом внутренняя предрасположенность отдельных организмов,

^ Рис. 1. Андрогини – прекрасные и совершенные «перволюди» (<https://dzen.ru/a/Xq5CfnHqQRN-0kXP>)

^ Рис. 3. Славянский бестиарий. Женщина-птица Сирин (<https://slav-rus.com/mifologiya/ptica-gamayun.html>)

< Рис. 2. Полиморфные образы в древних культурах и мифологии: анубис (<https://dzen.ru/a/y5vgulbixzj-2lnc>)

заложенный в них «двойной код» позволяют преобразовывать цвета, формы, звуки, проявляться как коллективная мимикрия, подражая конкретному прототипу. В частности, своеобразная цветовая амбивалентность, присущая отдельным организмам и растениям, позволяет им мимикрировать, подстраиваясь под меняющийся цветовой контекст, например, у животных, живущих в местах, где зимой выпадает снег, бурая окраска к зиме меняется на белую. При этом животные, вне привычных условий кажущиеся пестрыми и ярко окрашенными, на самом деле вполне гармонируют со средой.

Известны случаи подражания окружающим предметам по форме; мимикрирующая способность также служит хищникам для подкарауливания и привлечения добычи. При коллективной мимикрии для создания образа более крупного растения или животного группа небольших организмов, как правило, сбивается в плотную массу.

Мимикрию традиционно подразделяют на агрессивную, защитную и авто-мимикрию; связь между фенотипами модели и имитатора развивается как камуфляж, мимикрия Мюллера и мимикрия Бэйтса [10].

Довольно часто все это используется в качестве прототипов/прообразов при создании искусственной среды.

Как культурный феномен «превращения» в виде метаморфов, трансформеров, гибридных диморфных/полиморфных существ, полулюдей-полуживотных и пр. упоминаются в разнообразных мифах и сказаниях и существуют практически во всех традициях, отражая в т. ч. амбивалентный и переменчивый характер мира, его культуры и духовности.

Мифы многих народов свидетельствуют, что первый человек создается как андрогин; эллины так называют перволюдей, прекрасных и совершенных, от которых завистливые боги решают избавиться, и рассекают пополам – на мужскую и женскую части. Аналогичная концепция существует в Каббале, в талмудических трактатах Книги Бытия; черты потенциальной двуполости встречаются в иконографии различных народов [12]. Так, в пантеоне богов Индии существует Адити – мать и отец богов, божественная корова-бык; Египетский бог Ра порождает всех иных богов, весь мир и людей. Своеобразной верси-

ей андрогинов служат персонажи, воплощаемые то в женском, то в мужском облике.

Следующим примером соединения противоречивой двойственности, амбивалентных качеств в едином организме является мифологический Гермафродит. По одной из легенд – это сын Афродиты и Гермеса, соединивших в нем физические признаки обоих и оба имени. Для древних египтян и других традиций также характерно подобное единение мужского и женского начал.

Символизирующие превращения и метаморфозы полиморфные образы, трансформеры и гибриды, известны фактически во всех древних культурах: в мифологии Месопотамии существуют гибриды львов с птицами, животными и человеком, крылатые быки с головами человека, «вавилонские драконы» и пр.; в Древнем Египте среди прочих возникают гибридные образы сфинкса, чудовища Амаат, Анубиса с шакальей головой, бога с головой ибиса – Тота. Сфинксы, кентавры и химеры также встречаются в индийском искусстве и мифах; циклопы и минотавры Античности упоминаются в героических эпосах. В славянском бестиарии описываются Гамаюн, женщина-птица, которая делает предсказания и управляет погодой; Водяной, обладающий способностью к оборотничеству, метаморфизму; существо с женской головой и телом сыча – Сирин, своим пленительным голосом лишаящая людей воли, и иные персонажи.

Отдельную группу существ, обладающих способностью к метаморфозам в традиционной и современной культурах, составляют метаморфы, умеющие изменять внешний облик и свойства организма, что нередко задается их амбивалентной природой. Прототипы-метаморфы, существуют в разных видах практически во всех культурах и упоминаются в мифах и сказаниях, например, в «Сказке о царе Салтане» царевна имеет способность перерождаться в лебедя; в мифе индейцев Макиритаре шаман оборачивается ягуаром, а его зять принимает обличье краба; в башкирском эпосе царевич-змея обращается в большую рыбу или водяную крысу.

Тема превращений и персонажи-метаморфы также являются неизменными сюжетами и героями научно-фантастических произведений, утопий, антиутопий и фэнтези, превращаясь в топовых персонажей современного

^ Рис. 4. «Архитектура как контейнеры» и «карго-архитектура» в странах мира (<https://www.elmaco.ru/articles/tendenczii-razvitiya-kontejnernoj-arxitekturyi>)

^ Рис. 5. Современный мир как «эра андрогиннов»: модели-андрогины (<https://diamondcommunication.ru/service/modeli-androginy/>)

мира. Так, метаморфы Человек-паук, Женщина-кошка давно стали культовыми героями; в «Хрониках Амбера» (Желязны) король Амбера постоянно меняет облик; в «All Flesh is Grass» (Саймак) лиловые цветы принимают облик земных растений любого вида; в «Mirror Image» (Коуни) аморфы планеты Мэрилин немедленно мимикрируют при появлении чужаков; в «Norby's Other Secret» (Азимов, Азимова) домашнее животное оола принимает по желанию владельца любую форму.

Таким образом, превращения и преобразования/ метаморфозы, амбивалентный потенциал и способность к подражанию/ мимикрии, будучи частью жизни природной и искусственной сред, представляются важной особенностью существования мира.

1.2. «Превращения» как актуальный дискурс развития современного мира

Современный мир представляется миром превращений, где получают развитие актуальные сегодня трансформеры, воплощающие идеалы и концепты преобразований; «мимикрии» – с возможностями приспособления; своеобразные «кентавры»/гибриды, образующие парадоксальные, нестандартные организмы и объекты. При этом непрерывные искусственные и естественные изменения, приспособление и трансформации «места-пространства» служат одной из особенностей процессов, происходящих в городе, культуре, экономике, среди которых следует выделить ряд аспектов, порожденных, в т. ч., амбивалентной природой метаморфоз.

«Перманентный кризис», став особенностью современного мира, превращается практически в естественное состояние современной жизни с монополизацией и перепроизводством информационной и управленческой продукции; отрывом виртуальной экономики от развития реальной сферы; перепроизводством мировой валюты; кризисом доверия среди финансовых институтов и др. [9].

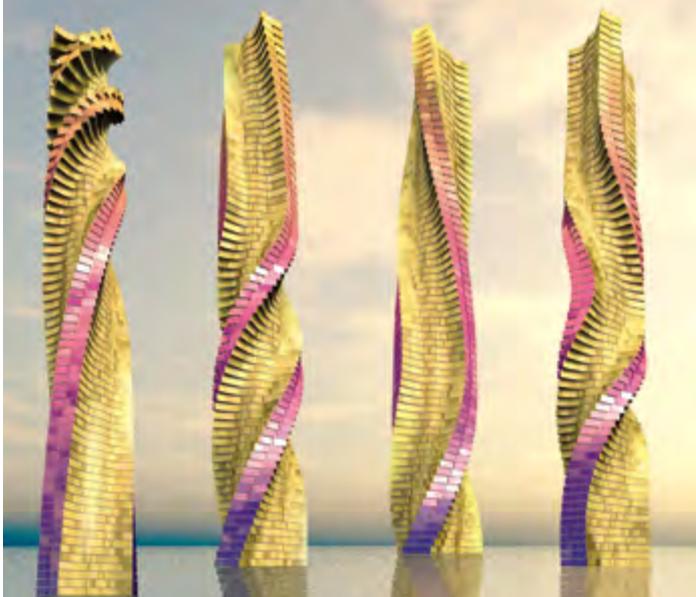
Кризис и его амбивалентная природа как возможность и опасность – не только спад, но и потенциал обновления – усиливают значимость факторов преобразований, активизируют вторжение во все сферы жизни идеалов метаморфоз. Происходит сбой представлений, увели-

чивается приспособляемость среды/организмов (особенно в ситуациях опасности). Интерпретация термина «кризис» как амбивалентного представления опасности, риска, угрозы и как благоприятной возможности, шанса, и/или «критической точки», достижения приобретает популярность.

Состояния аномии с характерной дезорганизацией социальных институтов, утратой существующих идеалов и отсутствием новых, с присущими кризису нестабильностью условий и неопределенностями, показывая перманентный кризис не только как опасность, но как «ситуацию перемен и возможностей», позволяют создавать новые ценности и идеалы. Свойственный кризису период турбулентности также имеет двоякую природу – как источник нестабильности и высоких рисков и одновременно как период ускоренного развития. Это дает шансы на приобретение опыта «выживания» в экстремальных ситуациях [7].

При этом наличие способности к противостоянию внезапным шокам и навыков эффективной адаптации к изменившимся условиям становятся чрезвычайно важными для полноценного существования во время перманентных кризисов, с их противоречивой двойственностью и непрерывностью изменений и метаморфоз.

Глобализация/глокализация как амбивалентность и/или дихотомия локального и глобального порождают культурную гибридизацию. Концепция гибридности и ее механизмы [1], соединение несоединимого, конгломерат противоречивых функций или форм, обозначая изменения и вызовы идеалам этничности и идентичности, получают широкое распространение в различных сферах в условиях глобализации [4]. Концепция гибридизации культуры, предлагаемая Дж. Н. Петерсом, провозглашает активизацию процессов гетерогенности, возрастающего значения гетерогенности среды как фактора, воздействующего на территориальные процессы и разнообразие моделей их развития [13] под влиянием глобализации. Гетерогенность среды, проявляясь в диверсифицированности, неоднородности и многообразии форм, спонтанно и нестандартно соединяющихся и порождающих абсолютно новые образования [2], становится частью

^ Рис. 6. Трансформируемая архитектура: «Dynamic Tower» (Дубаи) (https://www.architime.ru/specarch/david_fisher/dynamic_tower.htm#5.jpg)

^ Рис. 7. «Архитектурные кентавры» и гибридные среды: «Связанный гибрид» (Пекин). Steven Holl Architect (https://archi.ru/projects/russia/image_large.html?id=50090)

условий, в которых эволюционируют территориальные системы [13].

Как ответ на вызовы глобализации происходит распространение гибридных структур, вторжение элементов других культур и новых видов деятельности, возникающих при «скрещивании» различных (порой несовместимых) форм, функций и типов деятельности [4], провоцируя гипертрофированный полиморфизм явлений и объектов. Сложное амбивалентное и/или дихотомное взаимодействие «локального» и «глобального» в условиях вторжения «инокультурных образцов», «информационного натиска» и пр. вызывают многочисленные превращения, появление гибридных образцов.

Современный мир, представляемый миром метаморфоз, перевоплощений и превращений, в отдельных исследованиях называется **«эрой андрогинов»**. Амбивалентная природа мира как потенциал превращений становится культурным феноменом, частью современной жизни и художественно-проектной деятельности, повышает значимость образов метаморфов, гибридных форм и объектов-трансформеров, приобретающих популярность в мире фэшн-индустрии и фотографии, кино, художественной и научно-фантастической литературе. Предметно-пространственная среда и искусственные формы, будучи посредником между человеком и окружающим миром, также обретают «морфологическую двойственность» и амбивалентность, уподобляясь уникальности среды и особенностям морфологии человека одновременно [14].

Специфическая двойственность и способность к «визуальным превращениям» отличает андрогинную культуру, ставшую своеобразным культом из-за возможности перевоплощения, подстраивания и «ситуативной гибкости», как наиболее важных качеств современного человека. Модные тренды, ориентированные на «унисекс», тоже способствуют популярности андрогинной культуры. Это позволяет отдельным специалистам называть современную эпоху «эрой андрогинов».

Обладающих андрогинным типажом людей нередко называют хамелеонами за способность мастерски перевоплощаться. Наиболее востребованными андрогины оказываются в фэшн- и киноиндустрии. Представляя собой некий «унисекс» для фотографов, модельеров и режиссеров своей универсальностью и способностью быстро

преобразиться, они кардинально меняют образ в рамках одного фильма, фотосессии или показа, что позволяет задействовать одну и ту же модель/артиста для демонстрации как мужской, так и женской коллекций, исполнения разных ролей. Лица и фигуры андрогинов подобны «чистому холсту», с которым дизайнеры и режиссеры могут свободно экспериментировать.

Среди наиболее известных андрогинов – Роджер Гарт, ангельское лицо которого интересует Versace, C. Klein, Dior, Prada. «Мастер перевоплощений» Тильда Суинтон идеальна для самых различных образов. Актером-хамелеоном называют Киллиана Мерфи; «королевой андрогинов» считается Леди Гага за ее способность к перевоплощению. Гленн Клоуз, Билл Каулитц, Дэвид Боуи, Гвендолин Кристи, Зои Кравиц, Лаура Перголицци, Саския де Брау, Андреа Пежич, Агнесс Дейн и другие знаменитости с андрогинной внешностью приобретают всемирную популярность, становясь иконными образами.

Немаловажную роль в популяризации и экспансии культуры андрогинов, в становлении современных идеалов/норм и их приспособлении к непрерывно меняющимся обстоятельствам играют мимикрии – модные и необходимые сегодня способности к адаптации. При этом представляется актуальным обращение к коммуникативной мимикрии, нашедшей широкое распространение в повседневном общении, в разных формах подражания и определяемой как трансформация характерного стиля и формы общения для реализации своих целей в различных коммуникативных ситуациях [11].

2. Превращения/трансформации/метаморфозы в современной архитектуре и дизайне

Перевоплощения, трансформации и метаморфозы оказываются актуальными тенденциями современной архитектуры и дизайна и представляют собой глубокие и разнообразные преобразования города и предметно-пространственной среды, переходы и мутации одной формы в другую, сопровождающиеся приобретением новых функций, иного внешнего вида и архитектурных образов. Происходит гибридизация, своеобразное «скрещивание» исторических референций, разных форм, языков и систем кодирования.

^ Рис. 8. Трансграничная архитектура: Гуггенхайм-Бильбао. Архитектор Фрэнк Гери (<https://euromar2024.org/bilbao/>)

^ Рис. 9. Трансграничная архитектура: Лувр Абу-Даби. Архитектор Жан Нувель (<https://www.interior.ru/design/3925-luvr-abu-dabi-glazami-vlyublennogo-cheloveka.html>)

2.1. Трансформации и преобразования архитектурных объектов и сред

Изменения и трансформации городских сред и объектов представляют собой реновации исторических объектов, идеологию архитектуры как контейнера, трансформации стилей в региональных ситуациях и пр. Также можно говорить о сценографии массовых зрелищ/мероприятий и праздников, идеология которых ориентирована на непрерывные пространственные и образные трансформации.

Идеалы трансформаций, отвечая современным потребностям преобразования текущей ситуации, замены существующих функций и образов на новые актуальны, в частности, для работы в деградирующей среде и брошенными зданиями. Современная практика отдает приоритет их сохранению и вторичному использованию с внедрением новых функций, отвечающих времени и новому назначению места, уподобляя эти среды специфическим контейнерам [8].

Примером такой трансформации можно считать Ragnatock museum (Роскилл, Дания), созданный в заброшенном здании цементного завода, к которому пристроена золотая консоль, символизирующая «гламурную культуру» рока. Фабрика И. Познанского в Лодзи, образуя гигантский комплекс постиндустриальных построек, в 2006 обретает новую жизнь, став одним из показательных образцов ревитализации среды, трансформации постиндустриального пространства.

Примером синтеза концепций «архитектуры как контейнера» и «карго-архитектуры» служит превращенное в общежитие заброшенное здание элеватора с пристроенными к нему морскими контейнерами (Йоханнесбург) [8]. Контейнеры также успешно используются для шоурумов и проектных офисов (США, Европа); в Китае морские контейнеры применяются для строительства экоотелей; в Южной Корее из 200 контейнеров возводится торговый центр «Common Ground», с помощью контейнеров студия Urbantainer трансформирует театральный центр в Сеуле; культурно-развлекательное пространство «Улица Контейнерная» создается в Санкт-Петербурге. Обладая возможностью многообразного использования, контейнеры нередко становятся частью экспозиций и арт-про-

странств, временными павильонами для различных функций. В условиях пандемии в США и Канаде контейнеры применялись для организации временных медицинских пунктов и постов экспресс-тестирования. «Контейнерная идеология», позволяя загружать «содержание» практически в любую форму, делает эту форму полифункциональной, «многоцветной», способной преобразовываться и подстраиваться под новые функции [8]. Актуальная сегодня необходимость повторного применения объектов в ситуации перманентного кризиса расширяет сферу эксплуатации контейнеров как средств решения экологических проблем и один из способов вдохнуть новую жизнь в деградирующие объекты и среды.

При обсуждении трансформаций в архитектуре и дизайне нельзя упустить из виду собственно трансформируемую архитектуру и объекты-трансформеры, реагирующие на изменение запросов потребителей и окружающей среды. К трансформируемой архитектуре традиционно относят динамичные здания, меняющие форму и функциональное назначение в соответствии с потребностями пользователей. Еще одна группа – это адаптивные здания, которые модифицируют внешний вид и функции под воздействием изменяющегося состояния окружающей среды, чтобы повысить ее комфортность. Они также полезны в зоне ураганов, наводнений и/или сейсмической активности. Среди образцов трансформируемой архитектуры можно отметить «Dynamic Tower» – жилой комплекс в Дубае, который, вращаясь, преобразует форму этажей.

Объекты-трансформеры представляют собой целый класс компонентов предметно-пространственной среды – от детских игровых трансформеров, полифункциональных механизмов и машин и заканчивая трансформирующейся мебелью и оборудованием интерьеров, экспозиционных пространств и городской среды.

Тема «превращений» играет ключевую роль во многих международных проектах и конкурсах, например, в ежегодном Международном архитектурном конкурсе «24H Metamorphosis», где заданием одного из конкурсов ««Box to Box») становится создание здания в форме куба, способного к различным метаморфозам днем и ночью. Неожиданный взгляд на идеологию трансформаций задает дизайн бумажной одежды. Основная концепция такой

^ Рис. 10. «Слик-тек»: Mirror Houses (Болцано) (<https://mydecor.ru/news/architecture/zerkalnaya-arhitektura-id6789786/>)

^ Рис. 11. Walt Disney World Swan and Dolphin Resort. Архитектор М. Грейвс (<https://clck.ru/37x8qd>)

трансформации с помощью ножниц и цветного скотча, отвечая модным трендам, начинает все больше увлекать широкую публику [6] и специалистов разного профиля.

2.2. «Архитектурные кентавры» и гибридные среды

Появление своеобразных «архитектурных кентавров» и гибридной среды как характерная особенность современного мира сопровождается созданием полифункциональных сред и «объектов-комбайнов», соединением разных стилей, форм и концепций, становлением мира «фиджитал» и пр.

Гибридизация и развитие «архитектурных кентавров» в последнее время становится особенно обсуждаемым сюжетом в исследованиях жизни общества и художественно-проектной культуры. «Скращивание», смешение и соединение несоединимого, несовместимого – эти процессы обнаруживаются сегодня в самых разных областях: от «гибридного искусства» до «гибридных войн» [4]. Примером такого «кентавра» является футуристический образ «Het Zand» (Школы и центра дневного пребывания) в Утрехте. Она напоминает космический корабль, на крыше которого находится место для «курятника», а на фасадах-«бортах» поселяются летучие мыши.

Гибридное смешение «локального» и «глобального» в различных версиях порождает новый полиморфизм объектов и сред, современного городского пространства. Так называемый «взрыв полиморфизма» [4] во многом задается гибридной основой «архитектурного формогенеза» [3], при котором формы могут отделяться от сложившихся практик и начинают взаимодействовать в новых ситуациях и контекстах.

Ставшие мировой тенденцией полифункциональные объекты представляют собой «функциональных гибридов», образованных сочетанием культурных, жилых, коммерческих, производственных или иных функций, например, «Связанный гибрид» в Пекине. К «formalistic hybridization» можно отнести «Садовый мост» в форме «парка» (Лондон), Музей Кюпперсмуле в форме «мельницы» (Дуйсбург), жилье в форме «рынка» «Марктал Роттердам» [4].

Одним из приемов создания подобных «кентавров», гибридных объектов является постмодернистский коллаж

как постмодернистская игра, позволяющий генерировать нестандартные объекты и странные гибриды. В частности, у Ф. Старка, вопреки здравому смыслу, все делается не так, как принято; например, здание Nani Nani («не-называемое») автор интерпретирует почти как костюм, буквально «влезая» в макет и демонстрируя как одежду. Формы зданий Старка напоминают «скрещивание», гибриды бытовых предметов (зубных щеток, мыльниц и пр.) в общую форму. Постмодернистский коллаж провоцирует создание гибридных образов, построенных на обращении одновременно к различным видам искусств, что также демонстрируют работы А. Мендини и Ф. Хундертвассера.

В поисках новых подходов и образов «стилистические метаморфозы» в дизайне, архитектуре и городской среде происходят все активнее, воспроизводя многообразие и разнородность мира, что формирует «трансграничную архитектуру», ориентированную на «скрещивание» разных культурных традиций. Одним из примеров трансграничной гибридности можно считать Лувр Абу-Даби Жана Нувеля, объединяющий культуру Востока и Запада, арабскую и западную архитектуру. В здании библиотеки Си Цзиньпин (Тяньцзинь, Китай), «смешивая» элементы классической китайской архитектуры с современным дизайном и высокими технологиями, авторы создают органичный образ традиционных китайских садов в высокотехнологичной среде. К примерам трансграничной архитектуры можно также отнести известный Гуггенхайм-Бильбао Фрэнка Гери (Испания), где изогнутые формы стен с похожими на рыбу чешую титановыми панелями создают неожиданные образы «плывущего» по реке Нервьон корабля в сочетании с природным ландшафтом и историческим контекстом.

Фиджитал как мир своеобразных кентавров, соединяющий цифровые и физические реалии, меняет общее представление о действительности, продуктах и объектах, обеспечивает новый опыт использования технологий. Допуская существование специфических гибридных объектов, фиджитал объединяет физические и цифровые формы в едином организме/объекте. Примером этого сегодня являются «toys-to-life» – фигурки популярных персонажей с встроенными цифровыми компонентами, позволяющие использовать такие игрушки в онлайн-игре.

^ Рис. 12. Большой театр (Наньтун) (<http://xhslink.com/vsyhJz>)

^ Рис. 13. Комплекс «Wangjing Soho» (Пекин). Архитектор Заха Хадид (<https://gagaru.club/13138-samy-e-interesnye-zdaniya-v-mire.html>)

2.3. Имитации и мимикрирующие среды

Имитации, подделки и мимикрирующие фасады/ среды («слик-тек», стеклянные/зеркальные здания, приобретающие «окраску» окружающей среды; «фасады-аттракционы», медиа-фасады и разноцветное освещение, преобразующие здания под разные образы), актуальные для современной среды и жизни, позволяют растворяться в пространстве, динамично встраиваться в городской пейзаж, приспосабливаться под изменения контекста, становиться частью интерьера либо создавать нестандартные имиджи, мимикрируя под существующие объекты, архетипы и природные аналоги.

Так, в le Centre Technique du Livre de l'Enseignement Supérieur с «обернутой» металлом формой применяются ребристые стальные панели, зеркальные поверхности которых отражают изменчивость окружающей среды, встраивают здание в ландшафт, демонстрируя образец мимикрирующих фасадов. The Almost Invisible School в Саламанке (Испания) получает название благодаря использованию отражающих алюминиевых панелей и матового стекла, «растворяющих» здание в окружении. Пешеходный туннель из полированной стали в Оксфорде (Zaha Hadid Architects) мимикрирует под прилегающие викторианские здания.

Приобретший широкое распространение «слик-тек» как еще один способ «дематериализации» среды, средство преобразования, мимикрирования преимущественно использует зеркальное стекло, отражая и/или имитируя меняющийся мир, маскируя истинные формы среды. Среди подобных зданий – Mirror Houses в Больцано с зеркальными фасадами, которые отражают природные ландшафты, имитируя их, и превращаются во что-то новое в зависимости от сезонных изменений; призрачно-прозрачная на фоне природного окружения Галерея Jung Gil-Young (Южная Корея) вызывает ощущение перемещения здания при «прогулке» вдоль сооружения, иллюзию того, что природа «наступает».

Нередко используется цветное стекло. Примером может служить «Обсерватория света» в здании фонда Louis Vuitton в Париже. Здание напоминает парусник, паруса которого выполнены из стекла, «оживленного» цветом и непрерывно изменяющего свой образ за счет бликов,

движения теней, отражений, преобразования фасадов в зависимости от сезона, погоды, времени дня.

Матовое стекло – еще одно из средств формирования мимикрирующих сред. Примером является прозрачная стеклянная пристройка к музею Нельсон-Эткинс (Канзас-Сити) из белого стекла разных форм, которые кажутся сияющими кусками льда днем и превращаются в фантастические фонари вечером.

Приемы имитации активно используются М. Грейвсом, в частности, в отеле «Лебедь», в интерьерах которого создаются «имитационные аллеи» из пальм, потолка-обманки, имитирующие тканевые тенты, гигантские цветы ландыша, представляющие собой светильники. Завершают образ «райского уголка» стены розового цвета с позолоченным декором и букеты-муляжи из листьев банана.

Своеобразная имитация языков пламени закладывается в образ и форму «Огненных башен» (Баку); их покрытые LED-экранами фасады создают иллюзию движения огня.

Вообще «включать» и «выключать» современную среду, менять цвет и подсветку зданий и сооружений сегодня становится все легче: архитекторы и дизайнеры все увлеченнее экспериментируют с «вибрирующими цветом» фасадами, разноцветной и динамичной подсветкой, преображая фасады театральным светом, создавая фантастические миражи, имитации и иллюзии (комплекс «Wangjing Soho», «Leeza-Soho Tower» в Пекине, Большой театр в Наньтуне). Полноцветные экраны с медиафасадами применяются для показа видеороликов, визуализации графики, трансляции телевизионных импульсов и являются идеальным полем для создания динамической подсветки среды. «Мерцающие аттракционы» становятся неизменной частью любого города. Так, парковка Eskenazi Hospital превращается в эффектный аттракцион, для чего фасад покрывается тысячами панелей, которые образуют динамичное панно, переливающееся светом и разными цветами и трансформирующее образ здания. Theatre De Stoop (г. Спейкениссе, Нидерланды) обладает не только трансформируемым розово-лиловым интерьером, но и динамично меняющимися фасадами со встроенными светодиодами, которые эффектно светятся и визуально модифицируются.

^ Рис. 14. Лазерные шоу на фасадах и цветосветовые метаморфозы (<https://terra-z.com/archives/23271>)

^ Рис. 15. Цветосветовые трансформации и метаморфозы городских сред, праздничных мероприятий и шоу (Сингапур) (<https://gagaru.club/2550-samyie-krasivye-stolicy-mira.html>)

Еще больший интерес и потенциал представляют трансформации и метаморфозы сред праздничных мероприятий и шоу, использующих современные технологии. В частности, новые возможности открываются с внедрением новых технологий использования тканевых материалов, позволяющих благодаря применению светопроводимых тканей превращать объекты в переливающиеся цветами радуги среды, преобразуя городские ландшафты. Это чрезвычайно эффектно при проведении различных праздничных мероприятий.

В целом концепты «превращения» и своеобразный амбивалентный потенциал мира как один из факторов возникновения «превращений» становятся важными при создании искусственной среды, в культуре, социуме и экономике. Разные формы преобразований и метаморфоз в современном мире выступают важным дискурсом развития и формой жизни. «Скрещивание» локального и глобального, современного и традиционного, разных функций, форм и стилей, способов сочетания в различных схемах порождает новые объекты, образы, процессы; слияние физических сред и медиапространств ведет к становлению амбивалентных гибридных объектов и пространств, одновременно виртуальных и материальных; подделки и мимикрии превращаются в актуальное средство формогенеза. Таким образом, фактически весь мир, городская среда и культура, естественная природа пребывают в состоянии непрерывных метаморфоз.

Литература

1. Anthias, F. New Hybridities, Old Concepts: The Limits of 'Culture'. *Ethnic and Racial Studies*, 2001, Vol. 24, no. 4, pp. 619–641.
2. Pieterse, J. N. Globalization as Hybridization. *Global Modernities*, M. Featherstone et al. (eds.). London: Sage, 1995, pp. 45–68.
3. Novak, M. Transmitting Architecture // *Architectural Design*. – 1995. – Vol. 65. – N 11/12. – Pp. 43–47.
4. Ptichnikova, Galina. Hybridization in Architecture // https://www.researchgate.net/publication/346041954_Hybridization_in_Architecture (дата обращения: 27.12.2023).
5. Блейлер, Э. Аффективность, внушение, паранойя. – Москва : Центр психол. культуры, 2001. – 206 с.
6. Валькова, Н. П., Грабовенко, Ю. А., Лазарев, Е. Н., Михайленко, В. И. Дизайн: очерки теории системного проектирования / науч. ред. М. С. Каган. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. – 185 с. : ил.

7. Железняк, О. Сквоттинг в «эпоху перманентного кризиса» // *Проект Байкал*. – 2023. – №1 (75). – С. 84–92. – DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.75.19>.
8. Железняк, О. Контейнеры // *Проект Байкал*. – 2023. – № 20 (78). – С. 90–97 – DOI: DOI: 10.51461/issn.2309-3072/78.2242.
9. Журавлева, Г. П., Манохина, Н. В. Перманентный кризис рыночного хозяйства. // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2016. – № 11 (393). *Экономические науки*, вып. 54. – С. 140–149.
10. Ирошников, Г. Искусство подражания // *Наука и жизнь*. – 2003. – № 4. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/2809/> (дата обращения: 23.12.2023).
11. Лизунова, Е. А Коммуникативная мимикрия и ее типы // *Вестник КемГУ*. – 2012. – № 4 (52). – Т. 4. – С. 37–41.
12. Лосев, А. Ф. Мифология греков и римлян: Философское наследие. – Москва : Мысль, 1996. – 975 с.
13. Саввинов, В. М. Влияние гетерогенности среды на развитие территориальных образовательных систем. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-geterogennosti-sredy-na-razvitie-territorialnyh-obrazovatelnyh-sistem> (дата обращения: 23.12.2023).
14. Якуничев, Н. Г. О двойственной природе предметного мира. – URL: <https://research-journal.org/archive/5-47-2016-may/o-dvoystvennoj-prirode-predmetnogo-mira> (дата обращения: 12.12.2023).

References

- Anthias, F. (2001). New Hybridities, Old Concepts: The Limits of 'Culture'. *Ethnic and Racial Studies*, 24(4), 619–641.
- Bleuler, E. (2001). *Affectivity, suggestibility, paranoia*. Moscow: Centre for Psychological Culture.
- Iroshnikov, G. (2003). *Iskusstvo podrazhaniya* [The art of imitation]. *Nauka i Zhizn*, 4. Retrieved December 23, 2023, from <https://www.nkj.ru/archive/articles/2809/>
- Jakunichev, N. G. On the dual nature of object environment. *International Research Journal*, 5(47). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.285>
- Lizunova, E. A. (2012). Communicative mimicry and its types. *The Bulletin of Kemerovo State University*, 4(52), 37–41.
- Losev, A. F. (1996). *Mifologiya grekov i rimlyan: Filosofskoe nasledie* [Mythology of Greeks and Romans: Philosophical Heritage]. Moscow: Mysl.
- Novak, M. (1995). Transmitting Architecture. *Architectural Design*, 65(11/12), pp. 43–47.
- Pieterse, J. N. (1995). *Globalisation as Hybridization. Global Modernities* (M. Featherstone et al., Eds.). London: Sage.
- Ptichnikova, G. (2020). Hybridisation in Architecture. *Proceedings of the 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations*. Atlantis Press. DOI: 10.2991/assehr.k.200923.044. Retrieved December 27, 2023, from https://www.researchgate.net/publication/346041954_Hybridization_in_Architecture
- Savvinov, V. M. (2020). The influence of the environment heterogeneity on the development of territorial educational systems. *Vestnik of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University*, 4(20). Retrieved December 23, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-geterogenosti-sredy-na-razvitie-territorialnyh-obrazovatelnyh-sistem>
- Valkova, N. P., Grabovenko, Y. A., Lazarev, E. N., & Mikhailenko, V. I. (1983). *Dizain: Oчерки teorii sistemnogo proektirovaniya* [Design: Essays on the theory of system design] (M. S. Kagan, Ed.). Leningrad: Izd-vo LSU.
- Zheleznyak, O. (2023a). Containers. *Project Baikal*, 20(78), 90–97. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/78.2242>
- Zheleznyak, O. (2023b). Squatting in the “era of permanent crisis”. *Project Baikal*, 20(75), 84–92. <https://doi.org/10.51461/pb.75.19>
- Zhuravleva, G. P., & Manokhina, N. V. (2016). The permanent crisis of management market. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 11(393), 140–149.